

В середине апреля, а иногда и чуть раньше, выдаются в нашей местности особенно теплые деньки, когда под крышами с северной стороны вовсю капает, а с южной, на припеке, и крыши-то уж сухие. Вот такой денек был сегодня. За оврагом, в парке, грачи орали радостно. Дровами пахло, березой. И небо – без облачка, синее-синее, какое только весной и бывает.

Я строгал доску около дома, когда прибежала соседка Тамара. Едва завидя меня, закричала:

– Сергеич, спасай!

И руками по бедрам плещет, как гусыня на взлете.

Я положил рубанок и отряхнул с рубахи стружки. Такой уж я человек – спешить не в моих правилах.

– От кого тебя, заполошную, спасти?

Тамарка, она такая – чуть что, орет не своим голосом, будто конец света наступил, хотя его по телевизору еще в декабре обещали – не случилось, а многие у нас в селе всерьез готовились, вон, Михалыч – тот водки два ящика купил и землянку еще с осени в саду выкопал глубокою. Землянка обвалилась, а водку до декабря, пока ждали конца света, всю выпили. Да. Но в целом, Тамарка баба хорошая, не злая, только вот без тормозов, что ли. И глотка луженая. Как закричит – за оврагом слышно.

– Спасай, Сергеич! – задохнулась она. – Там, – махнула рукой в сторону реки, – там человек тонет!

Ага! На сей раз не зря, значит, горло дерет. По весне у нас такое случается – тонут люди, рыбаки, конечно. Кому ж еще? Тут раздумывать некогда. Я схватил с завалины лестницу и рванул к обрыву.

Лично я по последнему льду не рыбачу. Конечно, охота, а кому не охота? Но у меня есть лекарство против той охоты. Как только засосет под ложечкой при виде рыбаков, рассеянных по синему с чернотой льду на весеннем горячем солнышке, так я вспоминаю, как тащил из полыньи друга своего Палыча...

От моего дома до берега рукой подать. Подбежал я, гляжу: под обрывом, метрах в десяти, мужик в промоине бьется. Ящик валяется в стороне и шапка камуфляжная с ушами. Пытается бедолага локтями на лёд опереться, а тот ломается, и никак он точки опоры не обретет.

– Эй, – кричу. – Не волнуйся! Щас я тебя достану!

По тропинке спускаться к реке – время драгоценное терять. Тут ведь каждая секунда дорога, известно. Я лестницу с обрыва сбросил, а сам за ней следом на заднице, как на санках, по откосу вниз. Ничего, без задёва прокатился, до самой кромки. Гляжу, а мужик-то тем временем на лёд выполз, на четвереньки поднимается. Я опять кричу ему:

– Не вставай, дурак! Ползи!

Ну, не слышит, это понятно: в трансе человек, соображение отсутствует. Встал на ноги, оглядывается. Лёд – хрусть, и снова он в воде, одна башка торчит, без шапки. Я лестницу прилаживаю, к нему толкаю, чтобы ухватился он за неё, тогда его можно будет волоком вытащить. Бляха-муха, не достает лестница! А с обрыва Тамаркин голос пронзительный:

– Ну что, Сергеич? Чего ждешь?

Ждешь! Где тут ждатель-то? Тебя бы сюда, громогласная! Я только рукой отмахнулся – замолчи, мол, и иди отсюда. Не ушла. Стоит на обрыве, как статуя Свободы. Ладно, не до тебя.

Толкая перед собой лестницу, я сделал несколько шагов вперед. Лёд крошился и шипел, как шкварки на сковородке – не лёд, одно название! Следы тут же наполнялись черной водой. Зыбкое дело. Так далеко не уйти. А правая нога тем временем, чувствую, проваливается все глубже.

Я с маху повалился в ледяное крошево.

Весенний лед самый опасный. По осени он хоть и тонкий, но прочный и держит надежно, а уж если толщиной со спичечный коробок – иди смело, будет прогибаться, но не проломится. Иное дело весной, когда он становится пористым, почернеет, вода ест его и снизу, и сверху. Тут провалиться, как нос почесать!

Вот, помню, года четыре назад в такое время пошли с Палычем на рыбалку. Обычно ведь как? Из дому надо выйти пораньше, пока морозец за ночь воду поверху стянул и получилась этакая крепкая корка, у нас её наслудой называют – ходить по ней одно удовольствие. Часов до одиннадцати можно рыбачить смело, а после всё – уходи. Так мы всегда и делали, а в тот раз засиделись – окунь резво на безмотылку ловился. Глядь, а на льду-то никого, кроме нас, уже и нету.

Смотали удочки. До берега метров сто. Палыч только шаг один всего и сделал. Схрумкало негромко, и он, глядь, поплавок меж льдин колыхается! Вот так клюква, как говорил мой дед! Я сбросил с плеча ящик и бур Палычу протягиваю, дескать, хватайся, а он – нет, так же, как вот этот, локтями лёд крошит. Лёг я на брюхо и бур ему прямо к носу подсунул. Ага! Ухватился, чудило, за шнек, ну, я тянуть. И вытя-

нул его на лёд. Такое дело. Лежим, как два тюленя. Мне аж как-то не по себе стало. И Палыч молчит, словно язык проглотил. На ноги-то встать боимся. Да. Так мы с ним оба до берега по-пластунски и ползли, а ящички на льду забыли – пропади они пропадом вместе с рыбой!

С тех пор по черному льду на рыбалку ходить я зарёкся.

А вот, однако, опять довелось хлебнуть адреналину! Подтолкнул я лестницу, гляжу: конец-то почти у самой кромки, где мужик барахтается, ему только бы руку протянуть. Он и протянул. Но не ухватился – камнем ушел под воду. Мгновенно. Я глаза его увидал – белые. А рука из полыньи пальцами врасстыпырку так... будто «пока», мол... Как Брежнев с мавзолея. И всё. Тихо стало. Потом Тамаркин крик раздался:

– Уто-о-п!

Но я на неё не глядел, не до того было. Будто паралич со мной сделался – лежу мордой в ледяной жиже и не могу ни рукой, ни ногой двинуть. Сколько времени прошло – не помню. Да немного, наверно. Надо, думаю, выбираться. Собрался с духом и так же, лежа на брюхе, развернулся головой к обрыву. Потом зацепил на локоть лестницу и пополз на берег. А из головы не идет – как же так, вот только что был человек и нету его. Лежит на дне и не трепыхается больше, как бы согласен на такую жуткую участь.

До берега я добрался, а дальше идти – сил нет. Сел на бревно под обрывом, закурить хотел, да сигареты в кармане подмокли, так и бросил пачку в снег. Что ж, думаю, Тамарка, однозначно, в администрацию побежала, и это правильно. Значит, скоро явится, как положено, к месту происхождения участковый. Чего же мне домой тащиться, когда все равно сюда потом пойдем? Буду ждать.

Так и сидел я, а в голову разные мысли лезли – сначала отрывочные какие-то, а потом выстроились и понял я, что думаю про жизнь и про смерть. Вроде бы и думать тут нечего – живешь на земле, вот она и жизнь, а помирать все одно придется, вот тебе и смерть. Но так уж, видно, человек скроен, что начинает размышлять – зачем да почему? А когда у тебя на глазах вот так – был и нету – поневоле задумаешься.

Скажем, такой случай. Лет пять, пожалуй, тому. Работал я в городе на шабашке плотником – реставрировали клуб, понятно, из церкви в свое время перестроенный, а теперь опять под храм властью возвращенный. Дело к зиме, ну, руководство решило центральный барабан под куполом фанерой перекрыть – для сохранности тепла, значит. Высота от пола до этого барабана – метров двадцать, не меньше. У нас допуска, понятно, нет. Вызвали промышленных альпинистов – так теперь эти верхолазы называются.

Пришли трое парней, начали работать. Сразу видно – дело знают. Зарешетили барабан, уложили листы ДСП, стали их закреплять. Я еще подумал – им бы каждый лист сразу крепить надо, по отдельности, чтобы надежно, а не выпендриваться.

Ходят там, на верхотуре, песенки попевают. Про оранжевый галстук и всё такое. А я внизу пол ремонтировал, так что всё происшедшее собственными глазами натурально наблюдал. Точнее, как Сашка-то, самый из них младший, на край незакрепленного листа встал – я не видел, а как спорхнул он сверху – это да. Слышу крик: «Ма!..», вскинулся, а он уж в воздухе. Между небом и землей. Я и шевельнуться не успел. Быстро, считанные секунды. Хрясь! И брызги кровавые по сторонам...

Парню двадцать два года было, красивый, здоровый – жить бы да жить. А тут такая клюква... Смерть нелепая. Почему? Я тогда над этим

голову ломал, а что толку – все равно не узнаешь. И заползает мысль: зачем все это, если даже сама жизнь зависит от случайности или стечения обстоятельств, от собственной глупости, наконец?

Этот пример про безответственность, я её глупостью называю. А вот другой – про случайность. У Тamarки, соседки моей, ерихонской трубы, племянница есть, была, вернее... Девчонка – золото! Училась в университете, заканчивала уже – умница, и с виду симпатичная, скромная, не в пример нынешним. В общежитии жила, комната на двоих с подружкой. И вот, прошлой весной дело было, полезла на подоконник, чтобы форточку открыть. Вот как это – человек форточку открыть намерен, воздуху ему охота свежего глотнуть, а выходит, что за смертью своей он на подоконник-то полез!

В оконном стекле была трещина, девчонки её скотчем заклеили. Ну, трещина и трещина – сто лет до неё никому дела не было. И форточку каждый день открывали. И племянница Тamarкина в то окно по сто раз на дню, наверно, выглядывала, не зная и не предполагая, что вот она, смерть её – рядом, в той трещине и заключается, ждет своего часа... А кто тот час определил? Никому неизвестно.

Ладно, открыла девчушка форточку да и покачнулась, сердечная, на узком-то подоконнике и, чтобы удержаться, оперлась на треснутое стекло. Стекло расколосось, и она на острые зубцы – грудью. Зажала рану, еще и крови нету. Это потом уже... А подружка, видя, что та за локти себя обхватила, спрашивает: «Что, дескать, локтем ударилась?» – «Нет, – отвечает, – не локтем». И померла в ту минуту. Не успела и понять, что померла, я так думаю... Осколки стекла ей сердце и легкие напополам перерезали...

Что это, как не случайность? Ведь форточку могла и подружка открыть, так? Так. А стекла могли в ребро воткнуться, могли? Могли. Так нет же! Только что девчонка конспект читала по истории средних веков, например, и вот – дзинь – и лежит она на полу вся в крови, мертвая, а в молодых глазах удивление. Это как объяснить?

Если Бог жизнью и смертью распоряжается, то зачем Ему надо людей в самом замечательном возрасте забирать? Мысль эта крамольная всегда мне душу мутит, и я её гоню, конечно. Да только возвращается она снова и снова. Знаю ведь ответ, знаю, читал, и почему младенцы умирают, а что-то во мне не соглашается, вроде, несправедливость некая, и всё не так должно быть... А как? Всем вечно жить, что ли? Или умирать одним старикам? Так чем они хуже? Уж если жить вечно, так всем. Однако вот несколько минут назад мужик-то в полынье как за жизнь царапался, и вдруг – раз, и нету! Можно, конечно, сказать: а не лезь, куда не следует, береженого, мол, бог бережет. Можно. Да что толку – утопленнику оттого легче не станет. Ему-то уж все равно.

Сидел я так и думал. Милиция, известное дело, у нас никогда не торопится. Так что времени у меня для размышлений было предостаточно. И вспомнился мне вдруг анекдот. Умер никчемный мужичонка и предстал пред Божьи очи. «Ну вот, – говорит ему Господь Бог. – Вот и кончилось, человек, твое земное житие». А мужичонка-то, вроде меня, вопросительный, возьми да и спроси Бога: «А зачем оно было мне дано, это самое земное житие, коли все равно помирать пришлось?» – «Как же, – беседует с ним Бог, с совопросником-то никчемным. – Как же, – говорит. – У каждого своя задача на земле имеется». – «И у меня была, что ли?» – «И у тебя». – «Это какая же?» – продолжает вопрошать с недоверием новопреставленный. «Помнишь, ты на курорт в Кисловодск

ездил?» – «Ну, помню», – насторожился тот. «А в ресторане с Валентиной из Тулы, помнишь, как гулял?» – «Э-э, допустим...» – «Так, так, – говорит Господь, – а помнишь, за соседним столиком шикарная дама сидела?» Наморщил мужичонка лоб. «Нет, не помню». – «Ну-ка, ну-ка, припомятай!» – «Что-то такое вспоминается, правда...» – «Она еще тебя попросила соль передать, вспомнил? А ты не передал». – «Нет, это уж, точно, не помню!» Вздохнул Господь сокрушенно: «А вот она и была твоя задача на земле – соль той даме передать!»

Анекдот, конечно, аллегория, так сказать, а однако... Я вот живу уже седьмой десяток. Значит, соль-то еще не передал? И тут, будто голос во мне: «Передал!» Вздрыгнул я даже. Как так? «А вот лестница-то и была твоей солью». Это уж и не голос, а я сам как бы отвечаю себе, а вроде и не я. «Так он не дотянулся до лестницы», – это я про утонувшего. «Так что, ты ж свое дело сделал?» А если бы...

Тут раздался шум мотора. Я поднял голову – на обрыве, заслоня апрельское солнце, на месте громогласной Тamarки стоял, уперев руки в толстые бока, наш участковый по прозвищу Винни-Пух. Ну вот, подумал я, сейчас он тебе вопросы будет задавать. И все философские мысли улетучились из моей головы, словно их, как тучу комаров ветром с Волги сдуло.